
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

УДК 911.6, 314.7, 314.9

РОЛЬ МИГРАЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2019 г. А. В. Лялина

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

e-mail: anuta-mazova@mail.ru

Приводится анализ миграционной ситуации в Калининградской области в современный период. Делается акцент на воздействии миграции на замещение естественной убыли населения и его половозрастную структуру. Информационной базой послужили данные о половозрастной структуре мигрантов и населения муниципалитетов Калининградской области за период с 2011 по 2017 г. В работе применялся метод типологизации. Основным классифицирующим признаком выступил критерий интенсивности миграции в различных возрастных и гендерных группах, оцениваемый с помощью коэффициента сальдо миграции. Выявлено, что несмотря на в целом благоприятный характер возрастного профиля миграции для демографического развития, миграция замещает сокращение численности трудоспособного населения лишь частично. Наблюдается старение населения востока и юго-запада области, некоторых приморских территорий, омоложение населения других приморских территорий и Калининградской агломерации. Гендерная структура миграции преимущественно усугубляет сложившиеся диспропорции. В разрезе муниципалитетов области внутрирегиональная и внешняя миграция во многом воздействуют в противоположных направлениях. Миграционный обмен со странами СНГ и Балтии и регионами России отчасти замещает потери мужского населения и населения молодых возрастов во внутрирегиональном обмене.

Ключевые слова: миграционные процессы, демографическое развитие, Калининградская область, воздействие миграции на демографию, муниципалитеты.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-6

Введение. Калининградская область с точки зрения развития миграционных процессов занимает особое положение среди российских регионов. Население области было сформировано за счет плановой миграции, начавшейся в 1946 г. и к 1950 г. достигшей своих максимальных значений. Несмотря на то, что фаза активного заселения области уже давно закончилась, регион остается одним из лидеров в стране по показателям миграционного прироста, существенно опережая показатели по Северо-Западному федеральному округу и стране в целом. Так в миграционном обмене с зарубежными странами регион в 2016 г. занимал шестое место после Севастополя, Республики Мордовия, Курской,

Калужской и Магаданской областей, а по показателям внутрироссийской миграции – седьмое место.

Внешняя миграция для анклавной Калининградской области всегда имела решающее значение с точки зрения сглаживания негативных тенденций демографического развития. За период с 1992 по 2017 г. миграционный прирост компенсировал естественную убыль населения области и насчитал 196,8 тыс. человек. И сегодня Калининградская область занимает пятое место среди регионов России, для которых характерен прирост численности населения за счет миграции, уступая только Севастополю, Московской и Ленинградской областям, Тюменской области без автономий.

Сложившаяся миграционная обстановка обусловлена рядом факторов: исторически предпосылками заселения территории региона, большими масштабами вынужденных переселенцев и беженцев из-за пределов России и выводом ставших российскими войск из Прибалтики в 1990-е гг. (общероссийская тенденция этого периода), ростом объемов миграции по экономическим причинам в 2000-е и 2010-е гг.

Обзор ранее выполненных исследований. Значение миграции для демографического развития принимающей территории уже достаточно давно изучается многими российскими и зарубежными учеными. Еще в 1885 г. Э.Г. Равенштайн сформулировал основные законы миграции, согласно одному из которых рост больших городов обусловлен, главным образом, миграцией населения, нежели естественным приростом в них [20]. Выявлено, что для большинства развитых стран, где складывающиеся естественные процессы не обеспечивают простого воспроизводства и прироста населения, миграция может играть замещающую функцию. Понятие «замещающая миграция» было введено Отделом народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН в 2000 г. и сегодня прочно вошло в научный лексикон [24]. Под этим термином понимается «такой приток иммигрантов, в котором нуждается страна, чтобы предотвратить сокращение численности и старение населения, обусловленные низкими уровнями рождаемости и смертности» [25]. Л.Б. Карачурина, однако, отмечает, что замещающая миграция может решать и множество других целей, в том числе стабилизацию трудоспособного населения [5]. Кроме того, сегодня миграция является неотъемлемой составляющей концепций «второго» [22], «третьего» [16] и «четвертого» [4] демографических переходов.

Вопросам влияния миграции на гендерную и возрастную структуру населения посвящены работы таких российских ученых, как Н.В. Мкртчян, Л.Б. Карачурина, И.С. Кашницкий, А.П. Катровский, Н.Ю. Замятина, О.С. Чудиновских, Г.В. Рахманова и др. [2, 5, 7, 8, 12, 13, 15]. В то время как работы отечественных авторов характеризуются фрагментарностью, на которую указывают Н.В. Мкртчян и Л.Б. Карачурина [6],

зарубежными исследователями накоплен значительный опыт, в частности, в области моделирования возрастных профилей миграции. Исходной формулой стала функция Роджерса – Кастро (1981 г.), которая позднее легла в основу множества работ, посвященных влиянию миграции на демографическое развитие [18, 19, 21].

Проведенное А.Г. Вишневым исследование для России показало, что для компенсации прогнозируемой на период до 2050 г. естественной убыли населения миграция является необходимым условием [23]. Россия уже достаточно продолжительное время остается одной из стран-лидеров по числу принимаемых мигрантов, уступая только США, Саудовской Аравии и Германии [17]. Исследователями отмечается, что сегодня внешняя иммиграция оказывает «омолаживающее» воздействие на возрастную структуру населения России, балансирует соотношение полов и ведет к росту числа межэтнических смешанных браков [4, 5, 12].

Однако такой характер влияния во многом не отражает складывающуюся ситуацию в регионах. Поскольку, во-первых, не все регионы России являются реципиентами мигрантов, некоторые уже давно практикуют «донорство», во-вторых, половозрастные характеристики иммигрантов и эмигрантов не одинаковы и имеют свои особенности для регионов, в-третьих, зачастую более важное значение для демографического развития той или иной территории имеет межрегиональная и внутрирегиональная миграция, которые по своим объемам превышают показатели международной миграции. Так Н.В. Мкртчян отмечает, что, несмотря на то, что почти все принимающие мигрантов регионы России омолаживают свое население с помощью миграции, а отправляющие – наоборот, усиливают старение, имеются и исключения [12]. Среди них Рязанская и Белгородская области.

Несмотря на наличие значительного массива научных работ, посвященных эволюции и особенностям развития миграционного поля Калининградской области [1, 3, 9, 11, 14], на сегодняшний день вопросам воздействия миграции на демографическое развитие региона в целом и его административно-территориальных единиц в частности уделяется недостаточное внимание. В то же время использование миграционного потен-

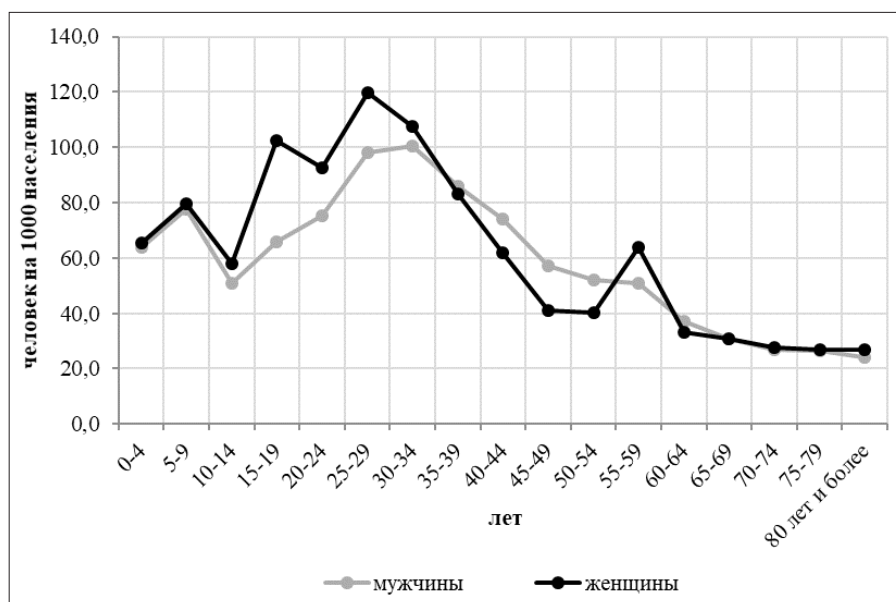

Рис. 1. Возрастной профиль миграции населения Калининградской области, в среднем за 2011–2017 гг.
Источник: рассчитано по данным Росстата.

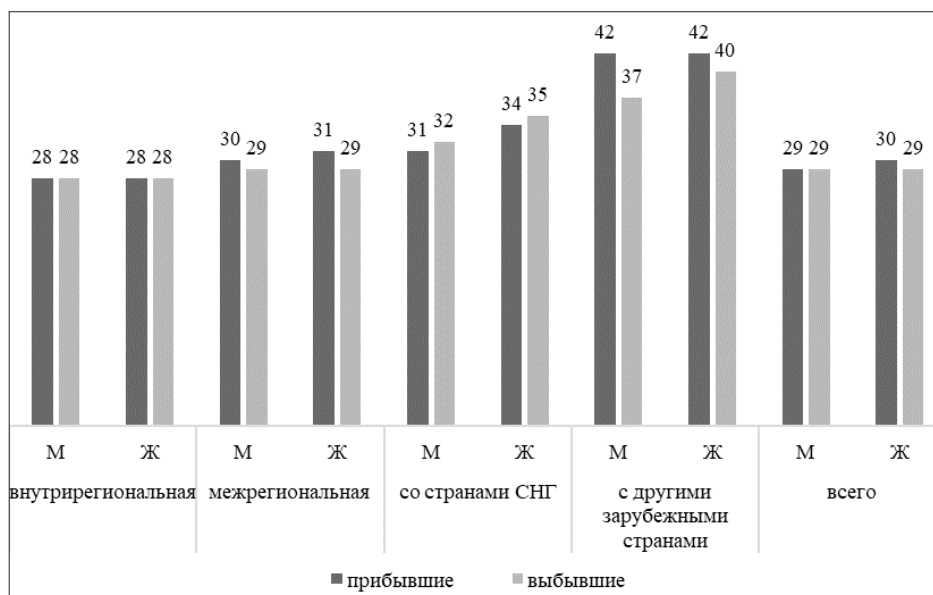
циала при решении демографических проблем на региональном и муниципальном уровнях представляется критически важным и значимым в анклавной Калининградской области. В данной статье автор приводит некоторые результаты исследования влияния миграции на половозрастную структуру населения Калининградской области в разрезе муниципальных образований в современном периоде (2010-е гг.).

Методика исследования. В подготовке исследования использовались данные текущего миграционного учета, предоставленные Калининградстатом за период с 2011 г. Анализ возрастной структуры населения и мигрантов для региона в целом проводился по пятилетним группировкам, для муниципалитетов – по категориям населения молоде-, старше- и трудоспособного возраста. В целях выявления характерных особенностей влияния половозрастной структуры миграционных потоков в регионе на население муниципальных образований области применялся метод типологизации. Основным классифицирующим признаком выступил критерий интенсивности миграции в различных возрастных и гендерных группах, оцениваемый с помощью коэффициента сальдо

миграции. В качестве вспомогательных критериев анализировались направления миграционных потоков, а также половая структура населения области.

Основные результаты и их обсуждение.

Возрастные и гендерные характеристики миграционных потоков. Возрастной профиль миграции населения в Калининградской области в основном контуре схож со стандартным профилем миграции Роджерса – Кастро [21], однако имеет свои особенности. Так наиболее часто в миграции участвует молодежь, наименее – пенсионеры и дети дошкольного и школьного возраста. В тоже время пик интенсивности женской миграции в регионе шире и начинается он раньше – в категории лиц 15–19 лет, что объясняется, главным образом, образовательной миграцией (рис. 1). Имеется дополнительно ещё один пик интенсивности миграции, значительно уступающий по интенсивности первому – в категории лиц в возрасте 55–59 лет. Это лица, переезжающие в регион по семейным мотивам – к взрослым детям, либо выбравшие более благоприятные климатические условия для проведения пенсии. Пик интенсивности мужской миграции также шире и сдвинут вправо. Преимущественно

Рис. 2. Медианный возраст мигрантов в Калининградской области в 2017 г., лет.
Источник: рассчитано по данным Росстата.

это связано с миграцией военнослужащих. В отличие от стандартного профиля миграции он начинается не в 20–24 лет, а в 25–29.

Медианный возраст мигрантов в регионе составляет 29 лет (за исключением прибывающих женщин – для них он равен 30 годам) (рис. 2). Однако различен в разных миграционных потоках. Например, более половины всех эмигрантов в страны дальнего зарубежья старше 37 лет – мужчины и 40 лет – женщины. А половина иммигрантов из этих стран – старше 42 лет. Важно, что прибывающие в регион мигранты отсюда, так же, как и из других регионов России, старше выбывающих. Медианный возраст мигрантов в обмене со странами СНГ также больше (31–35 лет) в зависимости от пола и направления. Самый низкий медианный возраст – среди внутрирегиональных мигрантов. Он составляет 28 лет.

Миграция и замещение населения. Миграция в Калининградской области в последние семь лет устойчиво выполняет замещающую функцию в части стабилизации численности населения региона за счет превышения сальдо миграции над естественной убылью. Однако, несмотря на это, стабилизация численности трудоспособного населения в течение последних 7 лет не наблюдается, современные объемы миграционных

потоков явно недостаточны для того, чтобы заместить сокращение численности трудоспособного населения, обусловленное депопуляцией и стремительным старением населения (рис. 3).

Для замещения убыли населения трудоспособного возраста сегодня необходимо нарастить интенсивность миграционного обмена с «партнерскими» территориями (прежде всего, «донорами» на территории России и в странах СНГ) и, по грубым подсчетам, обеспечить ежегодное сальдо миграции с учетом его возрастной структуры в 11,5 тыс. человек (табл. 1). Для этого число прибывающих трудоспособного возраста должно составлять не менее 36,7 тыс. человек в год (с учетом соотношения прибывших и выбывших в 2017 г.), что на 17,6% превышает сегодняшние объемы, а общее количество прибывших с учетом его возрастной структуры должно составить 52,7 тыс. человек (табл. 1). Однако стоит отметить, что в случае сокращения объемов выбытия, число прибывших может быть сокращено.

Для поддержания на неизменном уровне доли населения в пожилых возрастах (соотношения численности пожилого населения к численности населения в трудоспособном возрасте) миграционный прирост должен быть еще большим (по оценкам экспертов,

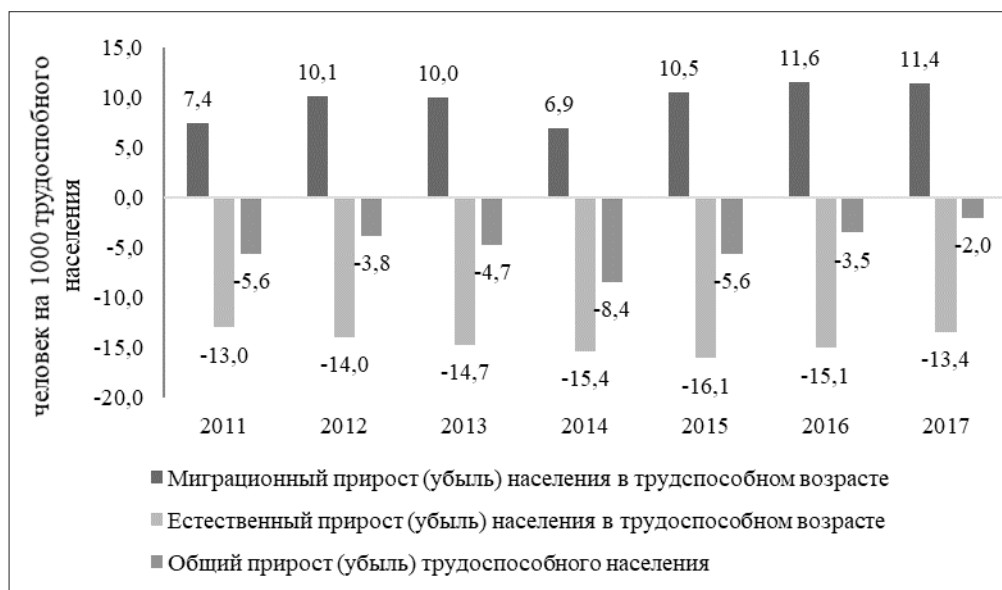

Рис. 3. Замещение трудоспособного населения Калининградской области в 2011–2017 гг., человек на 1000 трудоспособного населения.
Источник: рассчитано по данным Росстата.

практически нереальным) [5]. Поэтому согласно мнению демографов, миграционное регулирование может приостановить только депопуляционные процессы, но не старение возрастной структуры населения. Старение миграцией можно только притормозить.

Миграция и возрастная структура населения. Вовлеченность муниципальных образований области в миграционные процессы различна и определяется не только уровнем социально-экономического развития и специализацией хозяйства, но и сложившимися

Таблица 1. Показатели расчета необходимого числа прибывших и миграционного прироста для замещения естественной убыли трудоспособного населения в 2017 г.

Число выбывших к числу прибывших трудоспособного возраста (К)		чел.	%
		–	79,2
Прибывшие	моложе трудоспособного возраста	8 053	18,0
	трудоспособного возраста (доля_П_ТВ)	31 194	69,6
	старше трудоспособного возраста	5 559	12,4
	Всего	28 748	100,0
Миграционный прирост населения	моложе трудоспособного возраста	1 629	16,6
	трудоспособного возраста (доля_МП_ТВ)	6 486	65,9
	старше трудоспособного возраста	1 724	17,5
	Всего (доля_МП)	9 839	100,0
Замещение естественной убыли трудоспособного населения миграционным приростом		–1 142	–
Необходимый миграционный прирост трудоспособного населения (Н_МП_ТВ)		7 628	–
Необходимое число прибывших трудоспособного возраста (Н_П_ТВ = Н_МП_ТВ * 100 / (100 – К))		36 673	–
Необходимое число прибывших всего (Н_П = Н_П_ТВ * 100 / доля_П_ТВ)		52 691	–
Необходимый миграционный прирост всего (Н_МП = Н_МП_ТВ * 100 / доля_МП_ТВ)		11 575	–

Источник: данные Росстата.

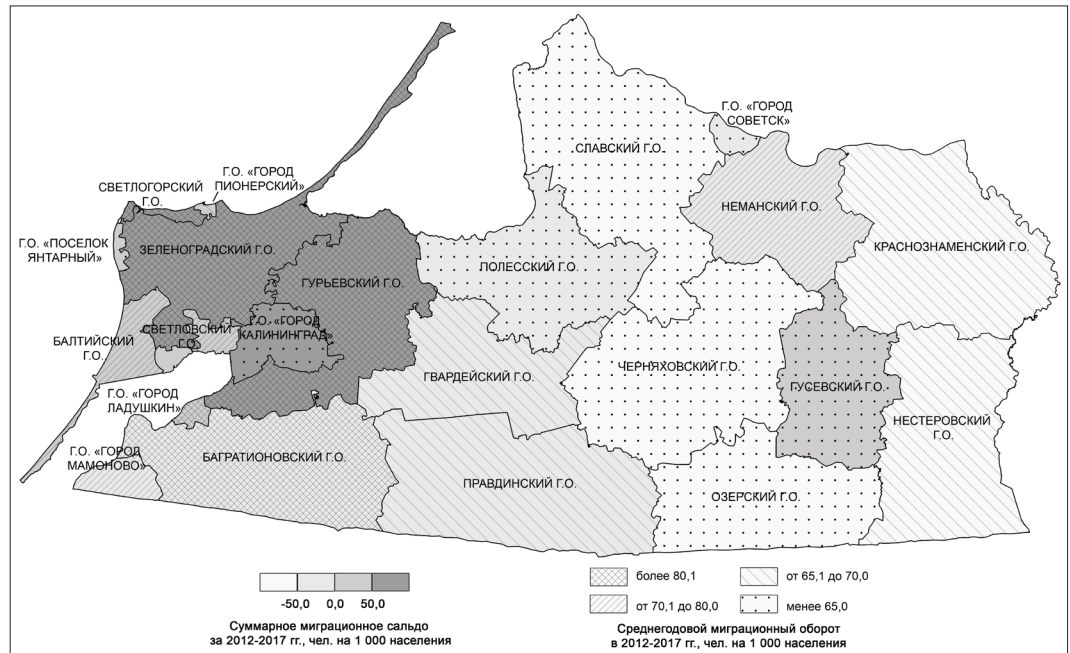

Рис. 4. Миграция в муниципальных образованиях Калининградской области в 2012–2017 гг. Источник: рассчитано по данным Росстата.

миграционными связями, традициями заселения территории региона, формированием миграционной инфраструктуры. Весь восток области, за исключением Гусевского городского округа (ГО), а также приграничные муниципалитеты юго-западной части области характеризуется оттоком населения (рис. 4). В соответствии с группировкой муниципальных образований по социально-экономическим характеристикам Т.Ю. Кузнецовой это приграничная периферия, полупериферия и малые городские округа [10].

Главную роль для этих территорий играет внутрирегиональная миграция, а именно отток населения в административный центр и прилегающий Гурьевский ГО, приморские Светлогорский и Зеленоградский ГО (табл. 2). Причинами центростремительных сил в данном процессе являются, прежде всего: а) разные темпы экономического развития территорий исхода и вселения мигрантов, что обуславливает дифференциацию муниципальных образований по формированию спроса на рынке труда, размерам заработных плат; б) различный уровень развития социальных институтов и инфраструктуры (прежде всего, образовательной и здравоохранения), что во многом определяет каче-

ство жизни населения. Важно отметить, что темпы миграционного прироста пригородов г. Калининграда выше по сравнению с областным центром, что свидетельствует об активном развитии процесса субурбанизации.

Остальные муниципалитеты с положительным сальдо миграции прирастают только за счет обмена с другими регионами России и зарубежными странами (СНГ, Балтии) – это Гусевский, Балтийский, Ладужинский, Янтарный, Пионерский и Светловский ГО. Во внутрирегиональном обмене они выступают донорами. Важно отметить, что все муниципалитеты области образуют положительное сальдо миграции с зарубежными странами.

Процесс субурбанизации и разрастания Калининградской агломерации также проявляется и в переселении жителей областного центра в соседний Гурьевский ГО, а также процесс миграции из областного центра в приморские Зеленоградский и Светлогорский ГО (табл. 3). Этот вид миграции обусловлен с одной стороны ростом Калининградской агломерации и развитием инфраструктуры (дороги, жилые здания и др.), что позволяет приобретать недвижимость за пределами административного центра

Таблица 2. Миграционный прирост в муниципальных образованиях Калининградской области за 2012–2017 гг.

Название муниципалитета	Вся миграция	в том числе:		
		внутрирегиональная	межрегиональная	международная
Озерский ГО	-94,5	-83,4	-16,3	5,2
Славский ГО	-76,8	-78,3	-7,6	9,1
Краснознаменский ГО	-69,1	-80,7	-1,3	12,8
Черняховский ГО	-66,4	-63,2	-10,9	7,7
Нестеровский ГО	-57,5	-70,9	1,3	12,1
Полесский ГО	-47,0	-60,0	-1,7	14,7
Неманский ГО	-44,2	-43,5	-9,5	8,8
Багратионовский ГО	-27,7	-48,0	3,3	16,9
ГО «Город Советск»	-20,7	-21,1	-11,5	11,9
Гвардейский ГО	-18,0	-44,2	9,5	16,7
ГО «Город Мамоново»	-12,6	-43,2	12,2	18,4
Правдинский ГО	-10,5	-51,8	9,0	32,2
Гусевский ГО	11,7	-8,8	8,9	11,5
Балтийский ГО	13,4	-25,7	29,3	9,8
ГО «Город Ладушкин»	15,0	-45,6	11,8	48,8
ГО «Поселок Янтарный»	20,8	-21,2	26,1	15,9
ГО «Город Пионерский»	23,4	-41,8	55,7	9,6
Светловский ГО	37,2	-16,0	14,4	38,8
ГО «Город Калининград»	94,8	24,5	29,7	40,6
Зеленоградский ГО	121,0	37,2	58,9	24,9
Светлогорский ГО	183,4	49,3	100,3	33,8
Гурьевский ГО	192,6	74,1	36,5	82,0

Источник: данные Росстата.

Таблица 3. Миграционный прирост г. Калининград с близлежащими муниципалитетами в 2011–2014 гг., чел.

Годы	Гурьевский ГО	Светлогорский ГО	Зеленоградский ГО
2011	-118	-46	-42
2012	13	120	148
2013	-74	-72	-25
2014	-570	-75	-206
2011–2014	-749	-73	-125

Источник: данные Росстата.

без ущерба транспортной доступности и по более низкой цене, с другой – стремлением городских жителей «убежать» от шума, загрязненного воздуха крупного города.

Влияние миграции на возрастную структуру населения муниципальных образований области неодинаково (рис. 5). Для подавляющего большинства муниципалитетов она играет роль «старения» населения за счет оттока населения моложе трудоспособного возраста. Только в Светлогорском, Пионерском и Багратионовском ГО «старение» объясняется притоком лиц старше трудоспособного возраста. Как правило, это вышедшие на пенсию жители российских

северных и дальневосточных регионов, выбравшие более благоприятные климатические условия для жизни на берегу Балтийского моря (за исключением Багратионовского ГО). Наиболее сильно негативное влияние миграции ощущается в Неманском ГО в силу оттока населения молодых и притока старших возрастов по всем направлениям миграционных потоков.

Позитивная роль миграции проявляется в «омоложении» возрастной структуры населения административного центра и прилегающих Светловского и Зеленоградского ГО, приморского поселка Янтарный, а также Гвардейского, Гусевского и Правдинского

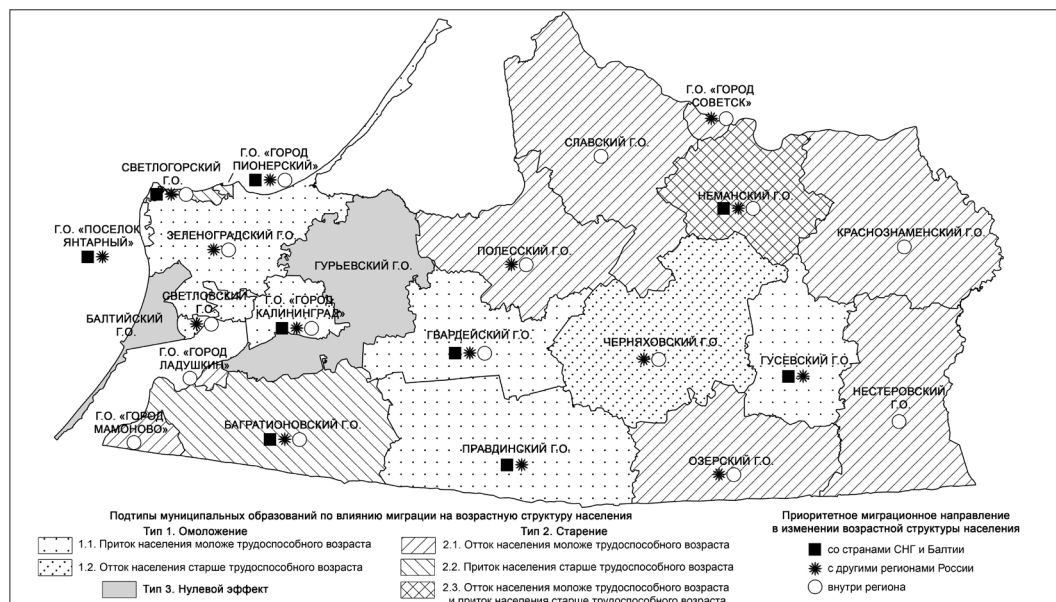

Рис. 5. Подтипы муниципальных образований Калининградской области по влиянию миграции на возрастную структуру населения, 2017 г.

ГО восточной части области за счет стягивания сюда населения моложе трудоспособного возраста. Черняховский ГО, теряющий свое население в результате миграции, в то же время омолаживает его за счет оттока лиц старших возрастов.

В Гурьевском ГО «омоложение» населения за счет миграции в результате притока лиц моложе трудоспособного возраста нивелируется «старением» за счет сопоставимого по интенсивности притока лиц старше трудоспособного возраста. Обратная картина наблюдается в Балтийском ГО: крайне малый отток населения молодых возрастов сопровождается таким же оттоком населения старших возрастов.

Интересно отметить, что в подавляющем большинстве муниципалитетов потери населения молодых возрастов в результате внутрирегиональной миграции отчасти или полностью компенсируются миграционным приростом из стран СНГ и Балтии, либо из других регионов России. Так, например, в Пионерском происходит полное замещение притоком из других российских регионов, в Багратионовском, Янтарном, Правдинском и Гусевском ГО – из других регионов России и из стран СНГ и Балтии. В Балтийском ГО существенный отток внутри региона практически полностью компенсируется притоком из других регионов России.

Миграция и гендерная структура населения. Воздействие миграции на половую структуру населения выражено в целом все же менее ярко, чем на возрастной состав. Тем не менее, пренебрегать этим воздействием нельзя. Традиционно в первичных переселениях (первые поколения) и в миграции на дальние расстояния большую миграционную активность проявляют мужчины. Однако в Калининградской области наблюдается противоположная картина. Превалирование женского населения как в потоках из других регионов России, так и из других стран усугубляет диспропорции в соотношении мужского и женского населения области (доля женщин в регионе сегодня составляет 53,1% населения, среди мигрантов из стран СНГ – 51,2%, из других регионов России – 59,1%).

Влияние миграции на гендерную структуру населения на уровне муниципальных образований области имеет свои особенности. Несмотря на то, что в большинстве муниципалитетов миграция наращивает диспропорции в гендерной структуре населения за счет притока женского и/или оттока мужского населения (рис. 6), есть территории, где миграция выравнивает их. Кроме того, не всегда дисбаланс сопровождается превалированием женского населения над мужским в структуре миграционного потока. Так, например, диспропорции в половой

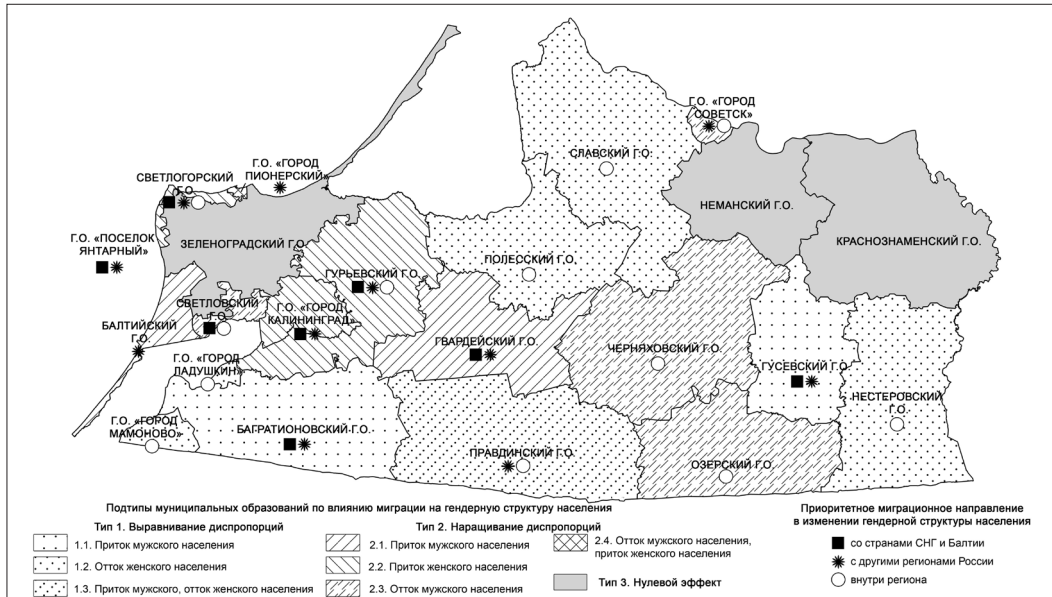

Рис. 6. Подтипы муниципальных образований Калининградской области по влиянию миграции на гендерную структуру населения, 2017 г.

структуре населения в Балтийском и Гвардейском ГО вызваны миграцией военнослужащих мужчин, а в Гвардейском ГО также и миграцией из стран СНГ. Даже внутрирегиональный отток мужского населения здесь не компенсирует высокий приток со стороны российских регионов.

Из числа восьми территорий, для которых характерно выравнивание соотношения мужчин и женщин, стоит выделить Правдинский ГО, в котором миграция балансирует гендерную структуру населения как по притоку мужчин из других регионов России, так и по оттоку женщин внутри области. Как правило, ведущую роль при выравнивании диспропорций играет отток женского населения внутри региона (в 5 муниципалитетах), и только в Гусевском и Багратионовском ГО наиболее важен приток мужчин из стран СНГ и Балтии и из других регионов России, который компенсирует внутрирегиональные потери.

Выводы. Сегодня как многие годы прежде внешняя миграция играет очень важную роль для прироста численности населения Калининградской области. Она замещает естественную убыль населения и отчасти восполняет потери трудоспособного населения. Однако для замещения убыли населения трудоспособного возраста сегодня необходимо

нарастить интенсивность миграционного обмена с «партнерскими» территориями (прежде всего, «донорами» на территории России и в странах СНГ) и, по грубым подсчетам, обеспечить ежегодное сальдо миграции в 11,5 тыс. человек (+16,6% от нынешних объемов).

Возрастной профиль миграции в Калининградской области благоприятен для демографического развития – в миграционных потоках преобладают молодые трудоспособные возраста от 15 до 45 лет. Наиболее «молодыми» являются миграционные потоки внутри региона, поскольку половина всех прибывших и выбывших приходится на возраст до 28 лет. Что нельзя сказать о гендерной структуре – превалирование среди мигрантов женщин в целом усугубляет сложившиеся диспропорции.

Влияние миграции на демографическое развитие Калининградской области неоднозначно по характеру и неравнозначно для всей территории региона.

Можно выделить несколько основных тенденций воздействия миграции на демографическое развитие в разрезе муниципальных образований региона:

1. Депопуляция и старение населения востока и юго-запада области в результате оттока населения молодых и трудоспособных возрастов в муниципалитеты Калинин-

градской агломерации и приморские территории (Зеленоградский и Янтарный ГО).

2. Прирост и омоложение структуры населения муниципалитетов Калининградской агломерации и прибрежной части за счет субурбанизации.

3. Старение структуры населения приморских муниципалитетов (Светлогорский и Пионерский ГО) в результате притока населения старших возрастов из других регионов России.

4. Для большинства территорий, испытывающих старение возрастной структуры населения под воздействием внутрирегиональной миграции, характерно замещение потерь населения моложе трудоспособного возраста миграционным приростом в обмене с другими регионами России и странами СНГ и Балтии.

5. В муниципалитетах Калининградской агломерации, приморских территориях, а также в Черняховском, Озерском и Советском ГО миграция наращивает диспропорции в гендерной структуре населения за счет притока женского и/или оттока мужского населения, еще в двух (Балтийский и Гвардейский ГО) – за счет притока мужского населения, главным образом, военнослужащих.

6. Выравнивание гендерных диспропорций в структуре населения шести из восьми муниципалитетов востока и юго-запада области обусловлено преимущественно оттоком женщин внутри региона.

Несмотря на полученные в ходе исследования результаты, выводы могут быть расширены и дополнены за счет проведения расчетов на одно- или пятилетних возрастных группах мигрантов. Это даст возможность выявить вторичное воздействие миграции на демографическую ситуацию, поскольку мигранты активного репродуктивного возраста вносят свой вклад в брачность и рождаемость. Кроме того, для повышения устойчивости выделенных типов целесообразно провести оценку на более продолжительном временном интервале. Это определяет потенциал и перспективы настоящего исследования.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Емельянова Л.Л., Фидря Е.С.* Оценка рисков и возможностей реализации Программы оказания содействия добровольному переселению в Калининградскую область РФ соотечественников, проживающих за рубежом // Балтийский регион. 2014. № 2. С. 81–97.
2. *Замятина Н.Ю.* Метод изучения миграций молодежи по данным социальных интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 15–29.
3. *Зимовина Е.П.* Миграции и процесс трансформации полиэтничной структуры населения Калининградской области в постсоветский период // Балтийский регион. 2014. № 2. С. 111–128.
4. *Ионцев В.А., Прохорова Ю.А.* Глобальные перспективы международной миграции и брачности: возможен и четвертый демографический переход // Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3-х тт. Ч. 1. Российский совет по международным делам. Т. 1. М.: Спецкнига, 2013. С. 227–236.
5. *Карачурина Л.Б.* Роль миграции в демографических процессах // Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. М., 2007. С. 237–259.
6. *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, № 4. С. 47–65.
7. *Катровский А.П.* Учебная миграция в вузы России: факторы и мотивация // Миграция и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. М.: Совет по миграциям стран СНГ; Центр демографии и экологии человека, 1999. С. 269–276.
8. *Кашницкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В.* Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. № 3. С. 169–203.
9. *Костяшов Ю.В.* Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России. Т. 2. М., 1998. С. 82–88.
10. *Кузнецова Т.Ю.* Геодемографическая типология муниципальных образований Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 15–27.
11. *Лялина А.В.* География внешних миграционных связей Калининградской области в 1990-е и 2000-е годы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2016. № 1. С. 27–37.
12. *Мкртчян Н.В.* О влиянии миграции на возрастной состав населения регионов, городов и районов России // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2014. Т. 12. С. 381–396.

13. Рахманова Г. Возрастные профили миграции в России и ее регионах: 80-е и начало 90-х гг. // Миграционные процессы после распада СССР. Программа по исследованию миграции. Вып. V. М., 1994. С. 82–113.
14. Федоров Г.М. Население Калининградской области. Демографические условия обоснования Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей. Калининград, 2001. 111 с.
15. Чудиновских О.С. Учет миграции в России: причины и последствия кризиса // Демоскоп Weekly. 2005. № 185–186. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php> (дата обращения: 01.07.2019).
16. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition // Population and development review. 2006. № 32 (3). P. 401–446.
17. International migration report 2017 Highlights. ST/ESA/SER.A/375. New York: Department of Economic and Social Affairs United Nations Secretariat, 2016. 38 p.
18. Kalogirou S. Examining and presenting trends of internal migration flows within England and Wales // Population, space and place. 2005. № 11. P. 283–297.
19. Little J., Rogers A. What can the age composition of a population tell us about the age composition of its out-migrants? // Population, space and place. 2007. № 13. P. 23–29.
20. Ravenstein E.G. The laws of migration // Journal of the Royal Statistical Society. 1885. № 48 (2). P. 167–235.
21. Rogers A., Castro L. Model migration schedules // Research report RR-81-30, IIASA. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 1981. 160 p.
22. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin. 1987. № 42 (1). P. 1–59.
23. Vishnevsky A. Replacement migration: is it a solution for Russia? UN/POP/PRA/2000/14. New York: Population Division Department of Economic and Social Affairs United Nations Secretariat, 2000. 13 p.
24. Новый доклад по замещающей миграции // Отдел народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам. 2001. ST/ESA/SER.A/206. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/replacement-press-ru.pdf> (дата обращения: 31.05.2019).

Статья поступила в редакцию 6 ноября 2019 г.
Статья принята к публикации 26 декабря 2019 г.

Сведения об авторе

Лялина Анна Валентиновна – кандидат географических наук, научный сотрудник Центра социально-экономических исследований региона Института региональных исследований Балтийского федерального университета им И. Канта, г. Калининград

Для цитирования:

Лялина А.В. Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // Региональные исследования. 2019. № 4. С. 73–84.

DOI: 10.5922/1994-5280-2019-4-6

The role of migration in the demographic development of the Kaliningrad oblast

A. V. Lyalina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

e-mail: anuta-mazova@mail.ru

The article provides an analysis of the current level of migration to and from the Kaliningrad region. The article focuses on the impact of migration on the replacement of the natural population decline and its age and sex structure. The data on the age and sex of migrants and the population of municipalities of the Kaliningrad region in 2011–2017 were used in the analysis. The author has built a typology of migration trends in the region. The main classifying feature was the criterion of migration intensity in different age and gender groups, which was estimated using the net migration rate. It was found that despite the generally favourable nature of the age profile of migration for demographic development, migration replaces the reduction in the number of the working-age population only partially. The ageing of the population is observed in the East and South-West of the region, some coastal areas, whereas the rejuvenation of the population is registered in other coastal areas and the Kaliningrad agglomeration. The gender structure of migration tends to exacerbate the existing disparities. In the municipalities of the region, the intraregional and external migration largely go in the opposite directions. Migration exchange with the CIS, the Baltic countries and regions of Russia partly replaces the loss of the male population and youth in intraregional exchange.

Keywords: migration processes, demographic development, Kaliningrad region, impact of migration on demography, municipalities.

REFERENCES

1. Yemelyanova L.L., Fidrya E.S. Federal Repatriation Programme in the Kaliningrad region: an assessment of risks and opportunities. *Baltiiskii region*, 2014, vol 2, no. 20, pp. 63–74. (In Russ.).
2. Zamyatina N.Y. The method of studying the migration of young people on these social networking web: Tomsk State University as «a center of production and distribution» of human capital (according to the social online network «VKontakte»). *Regional'nye issledovaniya*, 2012, no. 2, pp. 15–29. (In Russ.).
3. Zimovina E.P. Migration and the transformation of multiethnic population structure in the Kaliningrad region of the Post-Soviet Era. *Baltiiskii region*, 2014, vol. 2, no. 20, pp. 86–99. (In Russ.).
4. Ioncev V.A., Prohorova Yu.A. Global perspectives of international migration and marriage: is a fourth demographic transition possible? In: *Migraciya v Rossii. 2000-2012. Hrestomatiya v trekh tomah. Chast' 1. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Migration in Russia. 2000–2012. Reader in 3 volumes. Part 1: Russian Council on Foreign Affairs]. Moscow, 2013, pp. 227–236. (In Russ.).
5. Karachurina L.B. The role of constraints in demographic processes. In: *Metodologiya i metody izucheniya migracionnyh processov* [Methodology and methods for studying migration processes]. Moscow, 2007, pp. 237–259. (In Russ.).
6. Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. Interregional migration in Russia: age characteristics. *Demograficheskoe obozrenie*, 2016, vol. 3, no. 4, pp. 47–65. (In Russ.).
7. Katrovskij A.P. Educational migration to Russian universities: factors and motivation. In: *Migraciya i urbanizaciya v SNG i Baltii v 90-e gody* [Migration and urbanization in the CIS and Baltic countries in the 90s]. Moscow, 1999, pp. 269–276. (In Russ.).
8. Kashnitskiy I., Mkrtychyan N., Leshukov O. Interregional Migration of Youths in Russia: A Comprehensive Analysis of Demographic Statistics. *Voprosy obrazovaniya*, 2016, no. 3, pp. 169–203. (In Russ.).
9. Kostyashov Y.V. The settlement of the Kaliningrad region after the Second World War. In: *Gumanitarnaya nauka v Rossii*. [Humanities in Russia]. Vol. 2. Moscow, 1998, pp. 82–88. (In Russ.).
10. Kuznetsova T.Y. Geo-demographic typology of municipalities of the Kaliningrad region. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: estestvennye i meditsinskie nauki*, 2016, no. 1, pp. 15–27. (In Russ.).
11. Lialina A.V. Geography of external migration ties of the Kaliningrad region in the 1990s and 2000s. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: estestvennye i meditsinskie nauki*, 2016, no. 1, pp. 27–37. (In Russ.).
12. Mkrtychyan N.V. On the impact of migration on the age composition of the population of regions, cities and regions of Russia. In: *Nauchnye trudy: INP RAN* [Scientific works of the Institute of National Environmental Management of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 12. Moscow, 2014, pp. 381–396. (In Russ.).
13. Rahmanova G. Age profiles of migration in Russia and its regions: the 80s and early 90s. In: *Migracionnye processy posle raspada SSSR. Programma po issledovaniyu migracii* [Migration processes after the collapse of the USSR. Migration Research Program]. Moscow, 1994, pp. 82–113. (In Russ.).
14. Fedorov G.M. *Naselenie Kaliningradskoj oblasti. Demograficheskie usloviya obosnovaniya Territorial'noj kompleksnoj skhemy gradostroitel'nogo planirovaniya razvitiya territorii Kaliningradskoj oblasti i ee chastej* [The population of the Kaliningrad region. Demographic conditions for the justification of the Territorial integrated scheme of urban planning for the development of the territory of the Kaliningrad region and its parts]. Kaliningrad, 2001. 11 p. (In Russ.).
15. Chudinovskih O.S. Accounting for migration in Russia: causes and consequences of the crisis. *Demoskop Weekly* [Demoskope Weekly], 2005, pp. 185–186. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2005/0185/analit03.php> [Accessed 01.07.2019].
16. Coleman D. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition. *Population and development review*, 2006, no. 32 (3), pp. 401–446.
17. International migration report 2017 Highlights. ST/ESA/SER.A/375. New York: Department of Economic and Social Affairs United Nations Secretariat. 2016. 38 p.
18. Kalogirou S. Examining and presenting trends of internal migration flows within England and Wales. *Population, space and place*, 2005, no. 11, pp. 283–297.
19. Little J., Rogers A. What can the age composition of a population tell us about the age composition of its out-migrants? *Population, space and place*, 2007, no. 13, pp. 23–29.
20. Ravenstein E.G. The laws of migration. *Journal of the Royal Statistical Society*, 1885, no. 48 (2), pp. 167–235.
21. Rogers A., Castro L. Model migration schedules. In: *Research report RR-81-30, IIASA*. Laxenburg: International Institute for Applied Systems Analysis, 1981. 160 p.
22. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*, 1987, no. 42 (1), pp. 1–59.
23. Vishnevsky A. Replacement migration: is it a solution for Russia? In: *UN/POP/PRA/2000/14*. New York: Population Division Department of Economic and Social Affairs United Nations Secretariat, 2000. 13 p.
24. Replacement Migration: Is it a Solution to Declining and Ageing Populations? In: *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. ST/ESA/SER.A/206*. New York, 2001. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/replacement-press-ru.pdf> [Accessed 31.05.2019].

Received 06.11.2019

Accepted 26.12.2019